

84(2Рос-Хат)
В 97

Юрий ВЭЛЛА

**В Е С Т И
ИЗ СТОЙБИЩА
КНИГА ВТОРАЯ**

84(2Рос-х)
В 97

Юрий ВЭЛЛА

Крив.

ВЕСТИ
ИЗ СТОЙБИЩА
КНИГА ВТОРАЯ

BIS NIZHEVARTOVSK

«0981501060»

Нижневартоское
МУ "СИС"
ИНВ. № Бр 193/4-4 К9

Р О Д И Н А

Если ты друг,
Постарайся понять меня.
Если ты враг,
Постарайся понять меня.
Если же ты просто так —
Увы,
Мне не суждено
Быть тебе полезен...

Ю. В. Жуков

21.03.91г.

* * *

Ты — родина твоя.
Ты родине свои глаза
И ум,
И совесть,
И сердце.
И нет тебе прощенья,
Если родина твоя
Твоим бездействием превращена
В разрушенные временем стоянки,
В холодные,
Сиротливо покинутые чумовища,
Где даже ветру не за что зацелиться
И нигде почевать.
Где одинокий хищник,
Голодный,
В поисках добычи или надали
Случайно набредет.
И лишь разбитая ветрами колыбель
Напомнит
О детском плаче,
О песне колыбельной седой и мудрой
старухи,
О жизни не понятой ушедшего народа.

ЗАПАЗДЫВАЮЩАЯ СТАЯ

Сквозь белые крыши —
Конусы, чумов,
Сквозь прозрачные дымы —
Высокие дымы моего стойбища
Торопливо просачиваетесь вы
Туда,
Где незамерзающие реки,
Туда,
Где незамерзающие озера.
Что ж вы так задержались?
Зима уже не только сзади
Настигает вас,
Но и спереди
Заметает холодным подолом
Проложенный другими стаями путь.
Ваши крылья
Уже загибают снежные вихри
И тяжело,
И больно
Хлещут меня в лицо,
Задевая и сердце.
О чем в страхе кричат молодые?
О чем?
О чем мужественно, но тревожно
Переговариваются бывалые гуси?
Ведь не впервые я слышу
Их прощальную песню,
Отчего же сейчас
Она так больно заполняет меня?
Отчего?..
Может быть,
Сегодня я сам.
Как запаздывающая стая? —
Сейчас еще можно взлететь,
А завтра будет поздно...

У Т Р О

У меня на ладони просыпается солнце.
У меня на ладони птицы песни поют.
У меня на ладони дождик пляшет, смеется.
Журавли за деревню на болото зовут...
Трактор лезет под горку осторожно, вразвалку,
Как далекий кузнечек, пилорама стучит.
Под крылечком у Валюмы псы затеяли свалку,
И, беззлобно ругаясь, к ним хозяин спешит.
Над макушками елей облака, как олени.
А из леса с ружьишком кто-то важный идет.
И моя тетя Филя чем-то брякает в снях.
Так Варьеган проснулся, так Варьеган живет.
У меня на ладоши просыпается солнце!..

ПЕСНЯ СТАРОГО ОЛЕНЕВОДА АУЛИ

Что такое Любовь? —
Этот вечный вопрос моих дедов
Волнует сегодня и меня.

Может быть, Любовь —
Это свежий след
Твоей оленьей упряжки?
Может быть, Любовь —
Это новый чум,
Который мы с тобой сегодня
Поставили на снегу?
Может быть, Любовь —
Это новый голос,
Мучительно рождающийся в тебе,
И сердце мое,
Тревожно ожидающее вести
Из чума, наполненного твоими стонами?..
Что такое Любовь? —
Этот вечный вопрос моих дедов
Волнует сегодня и меня.
Может быть, Любовь —
Это снегоходная дорога,
Накатанная нашим сыном
По бесконечной снежной дали,
Между тундрой и тайгой,
Там,
Где всегда ездили
Люди нашего рода?
Может быть, Любовь —
Это первая нарта
Неумело построенная нашим внуком?
Может быть, Любовь —
Это первый тянтку
Заботливо сшитый для куклы нашей внучкой?..
Что такое Любовь? —
Этот вечный вопрос моих дедов
Все больше тревожит меня...
Но сегодня
Он начинает беспокоить
И нашего сына.

ОТНЯТА ЗЕМЛЯ — ОТНЯТА ДУША

Где тропа,
По которой кочевал мой род?
Где урочище,
Что зверьем их кормило?
Где река,
Из которой поили детей?
Что с их небом,
Которому не только молились?..
Тропу берегли,
Очищали от валежин
И детям не позволяли
Наносить раны острием топора.
Если шли за дровами в бор,
Старались не мять травы
И ягеля не повреждать.
А за срубленное дерево
Долго просили прощенья у Дедушки — Бэра.
С рекою советовались
Как с мудрым старцем.
Небо чтили
И пальцем в него не тыкали.
Радовались той погоде,
Какую приносил Ветер..
Где та земля,
По которой мой дед
Гнал на зимовку колхозное стадо оленей?
Где та земля,
Что в дедовом сердце жизнь раздувала,
Когда полуиздохший от ран,
Медведем разорванный, в бору он лежал
И белого месяца, белого солнца
Молил?
Где та земля?..

Где та река,
По которой отец мой уехал на обласе
В послевоенный голодный год,
Когда весь рыбный улов был отдан стране,
И к вечеру вернулся счастливый
С необычной добычей для стойбища?
В ту ночь
В каждой семье
Яйца уток, куликов и чаек варили в котлах.
Кричали над стойбищем чайки.
Из этого крика
Быть может и был я зачат?
Где та река?..
Отнята земля
И брошена на растерзание
Под стальные гусеницы твои.
А проголодавшийся экскаватор,
Лязгая неистово,
Уже вынимает внутренности.
Не выпита река,
А залита нефтью,
Не осушена река,
А закачивается по притоку в час
Каждый день
Вот уже сотню месяцев
В нефтяные пласты.
Сколько ж еще в ней осталось воды?
Хватит ли
На тот единственный
Живительный глоток впуску моему?..
Отнята земля,
Отнята река,
Небо отнято —
Не отнимается ли и душа?

НА СВЯТОМ БОРУ

«Сегодняшние сородичи наши перестали посещать святы места. Изредка приходят сюда глубокие старики, забывающие слова молитв, да набредают случайные люди, раздевающие богов на сувениры».

(Из письма к родственникам).

Молись,
Быть может, слова твои будут услышаны,
И Хранитель Тайги взрастит леса,
Порубленные на лежневки...
Молись,
Быть может, слова твои будут услышаны,
И Хранительница Рода оживит тех,
Кто умер или погиб
Пожирая самогонку...
Молись,
быть может, слова твои будут услышаны,
И Хозяйка Агана
Восстановит не только свои замазученные воды,
Но и берега,
И народы,
Жившие на ее берегах...
Я усердно сегодня хочу молиться
Молиться за себя,
Молиться за детей и внуков,
Молиться за тех,
Кто за молитвы потоплен в Оби
В тридцатых,
В сороковых,
В пятидесятых...
Но боги молчат.
Они разуты,
Разграблены.
Из ружей расстреляны.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

«—Сломаю луки, погрызу стрелы, чтоб в гнезде каждой птицы мог
вольготно топтаться птенец...»

(Из сказок бабушки Ненги)

Однажды
Дед меня спросил:
«По радио
Я слышу имя Партия.
Это имя я знаю,
Его упоминают давно,
Тут мне переводчик не нужен.
Но с некоторых пор
Понинлось другое —
Партократия.
За какие же дела его поминяют?
Кажется иногда,
Когда прислушиваюсь к тону говорящих,
Не за черные ли?...»
И долго с дедом говорил.
Некал
В своем певучем языке
Слова,
Равноценные словам:
«Инфляция»,
«Перестройка»,
«Демократизация»,
«Межконтинентальные отношения».
Он молчал.
И я не мог понять
Доходят ли до него мои слова...
А ночью
Он ворочался, выдыхая тяжело,
Ворчал на бабушку
И проклинал приемник,
Который с ним беседует уж много лет,
Потом
Я видел при лунном свете,
Он сел лицом к святой стене
И тихо говорил:
«Ты стал, наверное, стар,
Как я,
И ум Твой притупился?
Зачем Ты позволяешь жить среди людей
Нечеловекам?
Оказывается,

Они создают
Для наших и своих детей
Мир
перевернутый
наизнанку*.

* * *

Здесь была сосна...
Срубили сосну — остался пенек.
Здесь росла береза...
Бульдозер выдрал ее с корнями
И гусеницами стальными в липкую грязь вмолол —
И осталась серая глина, от жары растрескавшаяся.
В озере плескалась рыба...
Поленился трубопрокладчик проверить трубу,
А там была маленькая трещина затертая глиной.
Заполнил

нефтедобытчик
нефтью
трубу

до отказа,

Она и лопнула.
Сегодня в том озере даже водоросли не растут.
Однажды родился человек...
Человек этот,
Возможно, — Ты.
А что, если ты уже не человек?
А что, если ты уже себя
топором
под корень..?

ЗАБРОШЕННЫЙ ЛАБАЗ

Создателю этнографического
парка-музея «Югра» в г. Мегионе
Виктории Сподиной
посвящается...

Тропинка заросла.
Уже лет двадцать
Хозяин на упряжке не был здесь.
Забыл свой лабаз?
Сам сгинул?
Или покинул родину свою?
Молчит сурово бор,
Заросший сосняком.
И лестница молчит,
Упавшая на землю.
Молчит ручей соседний
С просохшим дном.
И даже путник случайный,
Который мог бы повести
О судьбе хозяина,
Склонивши голову,
Молчит...
И мне сегодня нечего сказать.

ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЦА

Прилетел журавль с Севера на Юг.
Сел на кочку,
Скинул крылья,
Выпил водки
И... каюк!
Спорит ветер с журавлихою-вдовой:
Возвратится ли журавль к себе домой?

* * *

Съезд.
Люди съехались.
Съезжаются для бесед,
Съезжаются для споров,
Съезжаются для застолий,
Съезжаются для раздоров...
А чтоб вечно любить
Двое не съезжаются?
А чтоб насмерть биться
Толпами не съезжаются?..
Снова люди съехались
На съезд.
Но с чем они разъедутся?

ПОЖАРООПАСНАЯ СИТУАЦИЯ

Опять,
Опять сегодня нет дождей,
Нет влаги и прохлады,
Опять жара
И зной,
И пыль,
И духота
В моих словах
..?

СПОЙ МНЕ ПЕСНЮ, ЛАНЭЙ

В соседнем стойбище живет последний сказочник. Я несколько раз пытался послушать его, уже мысленно беседовал с ним, но каждый раз саставал сородича в глубоком запос. То только что в магазин за везли баржу с одеколоном, то буровики приехали на вездеходе за обещанной пушinou, то залстел попутный вертолет за рыбой для ухи..

Спой мне песню, Ланэй!

Пой, пока поется.

Может, в душах внуков песня отзовется?

Если наши дети мелодию подхватят,

В суе и спешке

Чувства не растратят.

Спой мне песню, Ланэй!

Пой, пока поется!

Может быть при встрече скажешь:

«Аль-торово!

Все ли в вашем стойбище живы и здоровы?

Кто живет — поется ли?

Кто рыбачит — ловится ли?

Кто женатый — любитесь ли?

А кто всеел — счастлив ли?

Уж не самогоном ли?

Иль одеколоном?

Дракон ли с товарищем,

С братом ли родным?..»

Спой мне песню, Ланэй!

Пой, пока поется!

Расскажу я другу правду

Без утайки,

Все что наболело на душе моей:

Живы-то мы, живы,

Только почему-то

Женщины с похмелья рожают не детей —

Рожают алкоголиков,

Рожают наркоманов

Подленьких

Готовеньких

Способеньких

На все...

Спой мне песню Ланэй!

Пой, пока поется...»

ПОБЫВАЛЬЩИНА СТАРОГО ВАЛЮМЫ

Когда был побежден Самый Главный Белый Царь, на казнь его привезли в Сургут*

Сели вокруг стола Самые Умные Красные и стали думать, как казнить Самого Главного Белого Царя. Ведь он самый-самый главный царь, а значит самый-самый живучий.

Думали, думали... семь дней думали и придумали. Вызывают они Самого Главного Белого Царя и заявляют ему:

— Будем тебя казнить, но прежде мы желали бы исполнить —вое самое последнее желание. Чего желаешь?

И Самый Главный Белый Царь отвечает:

— Да чего уж желать-то, всего-то у меня было в достатке! Горло сы смочить, на помин души рюмочку водки пропустить.

Прикатали бочку самогонки. Взял он в одну руку эту бочку самогонки, опрокинул в рот, как рюмку водки, и усы рукомом обтер.

Прикатали и третью бочку самогонки. И эту бочку выпил Самый Главный Белый Царь. А после втянул носом хлебный дух и уверенно сказал:

— Готов я теперь для вашей казни.

— Ну, если готов, выходи на крыльцо, там тебя повозка ожидает.

Вышел на место казни.

Вышли за дверь. Подкатила к крыльцу конская нарта самого царя из прочнейшего дерева. Постелили широкое шерстяное полотно от крыльца до нарты, подставили к высокой нарте резную лестницу.

— Садись, Самый Главный Белый Царь, располагайся в последний раз по-царски.

Он ожидал подвоха Самый Главный Белый Царь. Только устроился удобно на конской нарте среди подушек, как нарта хрустнула, раздавилась под царской тяжестью, а острые обломки самой прочной нарты проткнули царю живот. И Самый Главный Белый Царь вытек в року.

Самые Умные Красные рассудили мудро: раз он Самый Главный Белый Царь, значит умеет заговаривать себя от смерти. Поэтому они предположили, что царь попросит не что иное, как водочки. И вместо водки накачали его самогоном*. А потом подпилили поперечины конской нарты царя. Самый Главный Белый Царь думал, что казнь где-то еще впереди, и поэтому, садясь в повозку, внутренне расслабился, что и губило его.

*Самым крупным центром для наших лесных ненцев считался Сургут

*Почему именно самогоном? — А потому что сегодня больше всего лесных ненцев гибнет именно от самогона. (Примечания самого Валюмы).

МОЛЧАНИЕ

Вообще-то бабушка моя была разговорчивой. Но иногда, идя вдоль берега, остановит меня, опустит свою корявую, легкую, иссушенную временем руку мне на голову, стоим и молчим перед спокойными водами реки. Но наши сердца не молчат. Они продолжают беседовать. Незримо-неслышно она передает мне свои ощущения, свое восприятие мира. Нет, она не передает мне своих мыслей. А я начинаю видеть ее глазами нашу залитую солнцем прохладную реку, я начинаю слышать ее ушами дальнее курлыкание журавлей за болотом, я начинаю воспринимать ее сердцем наше стойбище и каждый звук, каждый шорох, каждый вздох в нем...

НА УРОКЕ

Идет в школе урок родного языка. Учителю даст детям такие слова: киври (колодец), суван (навес для нарт), пухул' (стойбище). Маленький Семен переводит эти слова с хантыйского на русский и доверяет от себя:

— У нас есть киври, у нас есть суван для нарт, наш пухул' красив летом.

Бедный мальчик! Он говорит е с т ь, а я знаю, что это б ы л о. Было, и уже два года, как его стойбища нет, его родное стойбище попало под Покачевское нефтяное месторождение, на месте его пухул', сувана и киври, на ягельном бору, где он бегал босиком наперегонки с длинноногим олененком, возвышается стальной великан — Буровая Вышка. А маленький Семен с матерью сегодня живет в поселке в стареньком колхозном домике.

ЗА ЧТО?

Проходя мимо, заглянул вчера на родовое кладбище Айпиных. Что там делается! Большинство могил раскопано. Это не следы звериных когтей, это следы человеческой лопаты. Что же здесь искали? Кто? Клады, которых не нашли в лабазах на Священном Бору? Останки Золотой Бабы, которую хант хранил и лелеял от осквернения ни где иначе, как в собственной душе?..

Вот лежит, отброшенный в сторону, сопревший кис певца Щимки. Из него торчит кость, наверное, бывшая нога? Не та ли, которую он товердил однажды, когда вез подростком послевоенный обоз с рыб-бой в Сургут?

А на соседней, тоже разграбленной могиле Айсыра? Остатки костра. Две рогульки наспех. Пробитый котелок на поперечине, покачивающийся как маятник. И белый череп в нем. Что же это такое, люди?..

Невольно закрыл глаза и представил:

вот лежу я на окраине погоста вырытый чьим-то хулиганством-любопытством, и корявая незаконченная мысль скребется в насквозь иссушенном черепе: «За что так-то?..»

КАК ПРИКАЖЕТЕ НАЗЫВАТЬ?

А он действительно, наверное, счастливой меня? Ведь он не переживает, не болеет за опустошенный лес, за перерытый бульдозером бор, за заваленную дорогой речку. У него душа чиста, ему все «до лампочки». Он с легкостью будет выполнять любую работу, какую ему укажет его начальник, лишь бы только во время получать свои «длинный рубль» и ежемесячно откладывать эту сумму на «жигуль».

Он еще два-три года поработает и уедет. А мне после него всю жизнь жить здесь на перерытой, перетоптанной земле, с переломанными деревьями и с замазученными озерами и реками. Мне уже негде будет добывать пушнину и мясо, негде вылавливать рыбу на строганину, негде пасти оленей. А он в это время будет гнать на солидной скорости легковой автомобиль по Ялтинскому шоссе, рядом с ним будет сидеть его счастливая жена и уже в который раз будет слушать, раскрыв рот от восхищения, его рассказ о том, как на зимнике Новоганск — Бахилы он догонял и давил колесами своего «Урала» песцов.

Как то он задавил на дороге соболя, и после этого товарищи шоферы прозвали его Шэбелятником.

Когда он заезжает ко мне в стойбище, и когда наш разговор заканчивается слишком далеко, он меня в лицо называет лесным диким человеком. А как мне прикажете его называть?..

* * *

Сегодня строил гроб для одной женщины.

Почему то вспомнил одну ненецкую поговорку: «Человеку в жизни два раза мастерят люльку-колыбель. Первый раз во время рождения, второй — к смерти».

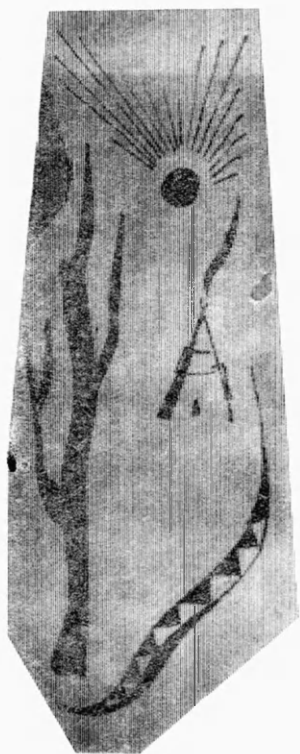
Одну свою люльку я уже пережил. Осталась вторая...

Еще думал о том, что мне оказывается совсем не безразлично, кто для меня будет строить мою последнюю колыбель. Перебирал в памяти всех односельчан и не мог себе представить никого. Может быть, того человека нет сейчас возле меня? Он не родился еще? Или я умру на чужбине? А может, труп мой будет где-то истлевать непохороненным?

Как то мне дед говорил, что человек ближе к смерти чувствует того кто будет мастерить его последнюю люльку-колыбель. Дед уверял, что для него сколочу я.

Так оно и было...

Э X О

Э Х О

Иду на охоту,
И следом за мной,
На пятки ступая,
Эхо незримо гуляет.
На реку иду,
И невод стосаженный
Пуская на дно,
Плечи мои
Эхо незримо сжимает.
Сажу за столом,
Пытаюсь стихи
Сложить о сегодняшних думах.
Но чувствую:
Эхо таится во мне —
Эхо твоих слов,
Эхо твоих глаз,
Эхо давней моей любви.

КУПАНИЕ НА РАССВЕТЕ

Утром ранним,
Когда туман висел на прибрежных кустах тальника,
Я подсмотрел,
Как ты осторожно входила в студеную воду реки,
Как взлетали, захлебываясь,
Твои плечи и руки.
И тяжелая ревность рождалась во мне
К реке.
Почему это она,
А не я
Робко касаюсь пальцами ямочки на твоём животе?
Почему это она,
А не я
Осторожно прикрываю дрожащей ладонью
Нахально торчащие острые бугорки
На груди?
Почему это она,
А не я
Припадаю пересохшими губами
К впадинке между твоими ключицами?
Почему это она,
А не я,
Не я с жутким страхом взираю тебя
В свои объятия?..

* * *

Я назвал бы тебя солнцем,
Но прикасаясь к тебе,
Но могу согреть кончиков пальцев,
Что холодеют от страха.

Я назвал бы тебя рекой,
Но целуя,
Не могу утолить жажды,
И с поцелуем каждым
Все больше и больше хочется
Быть еще и целуемым.

Я назвал бы тебя своими думами,
Но сегодня имею еще и другие думы:
О родной земле,
О работе
И даже о зарплате.

А кем бы ты хотела меня назвать?..

ВЕСНА У КОЛОДЦА

Опять весна.
Опять глаза сощурились от солнца.
Опять поет капель речистою струной.
И отражаются в ведре
Две бабы у колодца.
А мне б испить воды
Студеной и святой.
А солнце
Глаз прищурило
Шутливо и лукаво.
А сосны-молодицы
С веселым говорком.
Но шепчутся подружки,
Ладонь к губам приставив,
И смотрят на меня...
А мне так хорошо!

* * *

Говорю тебе: «Здравствуй!»
И небо мое
Следом за мной
Тысячу раз повторяет:
«Здравствуй!..»
Ты в ответ улыбнулась,
И тысячи лиц родных и знакомых
Обернулись ко мне.
Сердце, как в юности,
Пойманным диким оленем бьется.
Я думал, навеки оно
Стало прирученным и домашним — послушным.
Хочется крикнуть: «Люблю!»
И небо мое ждет,
Чтоб следом за мной
Тысячу раз повторить этот возглас...
Но молчу.
Может язык мой отвык от слова такого?
Может с годами я смелость утратил
И стал осторожным чрезмерно?
Может боюсь показаться кому-то смешным
В этот яркий осенний день?
Зубы стиснув,
Заставляю себя о работе думать...
И пока
Получается.

* * *

Написал письмо и стало легче на душе. Словно побыл с тобой. Словно услышал ответ на главный свой вопрос...

Опустил письмо в почтовый ящик, и словно мир вокруг стал каким-то уж слишком неустойчивым. Ведь сейчас этому Железному Ящику я доверил самое-самое сокровенное. Но почувствовал в душе недоверие к нему. Почувствовал, что в любой миг мои слова могут выпасть из него и не долететь к тебе. Могут затеряться, раствориться в дорожной пыли. А сам себе показался я маленькой-маленькой земляной букашкой, забравшейся на самый высокий лист осины, готовый плюхнуться оттуда лицом в осеннюю грязь при малейшем порыве ветра. ●

* * *

На небе ни облачка!
На небе ни одной звезды!..
Сегодня по-блату убит мой сын.
Без всякой записи —
По знакомству.
Не на войне пулеметной отередию,
Не кричащим кривым ножом из-за угла,
А на гинекологическом кресле
Как вошь пинцетом раздавлен...
На голову капая стылые капли
С выстиранного белья.
А мне, оказывается, не холодно.
А мне, оказывается, не жарко.
Только чего-то в затылок
Войут собаки в безлунни?..

* * *

Вроде, все!
Впереди меня дверь и порог.
Но увы!
Почему-то, как прежде,
От тебя уезжать не спешу,
И, отжившие в сердце надежды,
И в себе с сожаленьем ищу.
По чего-то знакомого,
Близкого
Не нахожу...
Что то хмыкнула дверь.
Что то крикнул порог.
А твой взгляд мне вослед,
Как по сердцу
Пожом.

* * *

Опустел
Мой дом.
Не скрипит
Крыльцо.
Осиротел
Мой стол.
И стул
Молчит.
На огромном
Столе
Твой стакан
Остыл.
И окно
На дверь
Сквозь меня
Глядит.
По ту сторону моего стола,
Где сидела ты прошлым вечером,
Остались только твои большие глаза.
Они и сейчас на меня глядят.

* * *

Самолет улетел.
Я остался один
В незнакомом мне городе,
Где не с кем поспориться;
Я остался один
В незнакомом мне мире,
Где не с кем поговорить.
И со всех сторон
Сдавливает меня
Немой город,
В котором некому сказать слово;
Каменный город.
В котором некого любить;
Скупой город,
Где я никому не нужен,
Где никто не нуждается во мне..
Какой сегодня ужасно холодный день!

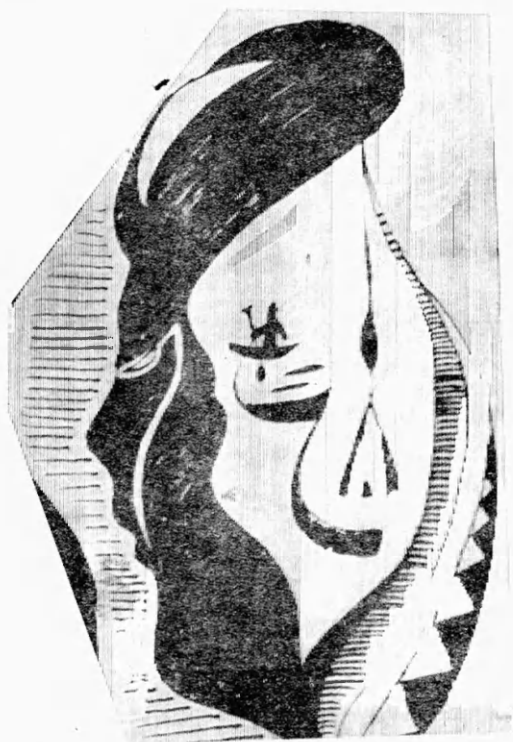
ХОЛОДНЫЙ БУЛЬВАР

Меж тобою и мной
Москва на бульварной осени
В троллейбусных стеклах
Покачивается,
Ты не идешь, а влетаешь
Под звонкий снегопад.
Навстречу тебе
Из подземного перехода на Пушкинской площади,
Почти задыхающийся от одиночества,
Выныриваю.
Улыбка твоя
Мне затопляет глаза.
Кажется,
Не выдержат пуговицы,
Расширяющейся изнутри радости.
Еще шаг,
И крылья твои
Коснутся моих усталых плеч.
Как долго я ждал этого прикосновения!..
Но ты пролетаешь мимо.
И только концы твоих крыльев
Больно задевают мои глаза...
Мне б только не ослепнуть.

Д О М

Вот дом стоит.
Окно глядит куда-то мимо.
А за окном чужие занавески.
Людьми чужими шиты,
Стираны,
Разглажены,
Развешаны.
И из окна теперь глядят,
Меня не видя,
Не замечая,
Почти что презирая.
Весь дом стоит скупой,
Холодный
И слепой..
А помнится,
Когда ты в нем жила,
Он улыбался,
Как только появлялся я
В начале улицы.

ИЗ КАНИНСКОЙ
ТЕТРАДИ

* * *

О, тайга! —
Нет тайги — ее вырубili.
О, родная земля! —
Не осталось земли —
Ее превратили в сплошные дороги,
Ее превратили в сплошные карьеры,
Ее превратили в сплошные окраины городов.
К кому обратиться мне,
Выжившему сегодня к несчастью своему?
Реки, озера и моря —
Замазучены.
А рога последних оленей деда
Вместе с черепами
Вырубili на сувениры.
Скоро, наверное,
Любители экзотики
Доберутся и до меня?..
О, тундра!
Сегодня я еду к тебе в заполярье.
О-о-о!
То, что осталось от тундры!
Дай мне в подарок последний глоток
Свежего воздуха.
Дай мне в подарок последний глоток
Чистого чувства.
Дай мне хоть раз увидеть
Как солнце коснется
Прищуренных глаз твоих,
Тундра!..

Но перед самым закатом
И тундра встречает меня
Радиоактивным
Полярным сияньем
И ядовитым
Кислотным дождем.
О, ужас!

О Ж И Д А Н И Е

Завтра... Значит, завтра ты приезжаешь. Значит, завтра наконец то я тебя увижу. Завтра!

Двадцать четыре года... Двадцать четыре года тебя не было в родном селе. Двадцать четыре года я ожидал тебя. Двадцать четыре года — это немалый срок для ожидания. Двадцать четыре года! Значит, завтра ты приезжаешь!..

Правда не все двадцать четыре года я просидел на крыльце дома, как сегодня, в ожидании тебя. Если б не тундра, если б не жизнь в оленьем стаде, конечно, эти двадцать четыре года стали бы настоящей мукой.

Трудно было в самый первый год. Там, в стаде, мне каждый день казалось, что сейчас, в эту минуту, ты приехала в село. Ты пришла, а меня нет. Ты приехала ко мне, а я здесь, ядаль, на суровом Канине. И не досхать мне до тебя ни водой, ни воздухом, ни по тундре...

Бригадир говорил по рации с председателем колхоза, а я стоял рядом и с жадностью ловил каждое слово. И все надеялся услышать хоть о тебе. Но они говорили о продуктах, о медикаментах, о кино, передвижке, о стоимости вертолета, о пяти или зарплатах чумработникам, об оленях. И ни слова о тебе! Слово тебя не было в мире. Слово для себя ты неслышала или вообще никогда не существовала.

Писем ты не писала. Да и я не писал. Кто я для тебя? Развесинч-апоклассник и где? Несколько раз прогонял из школы домой, да в сельском клубе по вечерам кино выбирал место позади тебя на следующем ряду. Глядел в латышек, но разве вы, современные девушки, умеете чувствовать взгляд в латышек?..

Но однажды я все-таки услышал о тебе. Это был пятый год, как ты уехала.

В тот день тундру хлестал мокрый снег. Олени спасались от холода в движении. Они ни на миг не останавливались на месте. И не просто кружились вокруг наших чумов, а словно полноводный поток скакали и перекачивались с холмов, для того, что через минуту выскочить на другой, остановиться, оглядеться, и снова устремиться в путь. То они появлялись возле самого жилья, то исчезали в дальней хмарь. Но бежали олени, наверное, не только от холода. Они радостались еще перемене погоды. Потому что через день два наступят заморозки, а там уж и зима.

В тот день мокрый насквозь я носился со стадом, или просто находился вблизи его. Но ко времени радиосвязи ноги сами привели меня в чум бригадира. В это время почти все собирались у радики и поэтому то, что за пять лет я не пропустил ни одного сеанса, ни у кого не вызывало подозрения.

Войдя в чум, я спял с малицы брезентовую верхнюю, повесил над печкой, а внутреннюю — меховую, стряхнув подол от дождя, бросил у входа на дрова. Первую половину разговора я привык не слушать. Матрена, жена нашего бригадира, налила мне чай. И я уже сидел, шумно обжигаясь кипятком. В чуме было тепло. Дети старались сидеть тихо ровно настолько, насколько у них это получилось. А получилось у них всегда шумно. Матрена вполголоса для меня пересказывала пропущенную часть разговора. Я ее не слушал. Мне было хорошо у огня. Я ждал традиционного вопроса: «А какие новости в селе?»

— Да какие у нас новости! — ответили на другом конце. — Сметают исследователя рыбоопа. Новый-то, похоже, не лучше старого. Печет кирпича для пекарни. Говорит, пусть колхоз печь ремонтирует... Сып родился у Васюки-то, Пронькиного... Соседка ниском получила, что Аннушка замуж вышла. Как какая? Ну, зоотехнички-то нашей дом. Ну та, что пять лет назад уехала в недучилище. Да-да! В Кыт... Муж, говорит, учитель. На большой перемене, навернись, в учительской скомкалась. Ха-ха-ха! С соседями-то из колхоза «Светлый Палюс» ест, а не ест?

Дальше я уже ничего не слышал. Как надел малицу и вышел из чума, не помню. Опустился на берегу моря.

В грудь упирается тугой ветер и раскачивает меня. Лицо залепляет мокрым снегом. Соленные брызги прибоя долетают сюда, навстречу. Словно раненный зверь рвет Баренцево море. Олени прибежали следом и стоят и поглядывают на меня, глядя вдаль.

Сколько я так стоял? Час, два, полдня, неделю или вечность? И сколько еще буду так стоять? Может быть еще до сих пор стою там, на берегу студеного моря.

А потом женился. Сейчас у нас четверо детей. А месяц назад родился внук и назвали его в честь моего прадеда Анетом. Хорошая у меня жена. Особенно последние годы мы научились понимать друг друга без слов. Я и сейчас знаю о чем она думает, глядя через открытую дверь в мой сатылок. Но что делать? Оказывается, даже через двадцать четыре года мне не безразлично твоё появление в нашем селе...

Значит, завтра! Значит, завтра ты приезжаешь! Значит, завтра я тебя увижу! Какая ты?

* * *

Сквозь притихшие сумерки в конце деревни скрипнула калитка. И еще до того, как спросонья загавкала сука Кунчи в ограде у слепого Суммы, я услышал поскрипывание пороши под легкими каблуклами. Это был знакомый звук. Когда сука замолкала, я снова слышал шаги. Они приближались. И чем ближе они слышались, тем более меня одолевало жадное нетерпение. Еще не видя хозяйки кабдуков, я уже ощущал прикосновение ее губ и запах ее уха.

* * *

Возле меня две молодые мамы. У одной ребенку два месяца, у другой — год и два месяца. Младшая просит подержать ее ребеночка. Старшая взяла на руки дитя и говорит:

— Ой, да я уже отвыкла держать маленьких!

ТВОЯ РОДИНА

«Смотрю на апрельскую улицу через окно и вдруг так ясно и отчетливо вспоминаю твою Родину — полуостров Канки. Ты — и твоя Земля. Ты — и твоя Родина. Человек воспринимается полно только на своей Родине...»

(Строки из письма)

Вы шли по тундре. Прорывались сквозь кусты карликового ивового ерника, выбирая где посуше. Из-под ног с шумом взлетал ессырошский испуганный выголок куропадок. Ты вздрагивала и прижималась к его плечу.

Он и теперь помнит каждый камень под твоей ступней. Он и теперь помнит каждое корневище тальника-ерника, на которое ты ступала, чтобы не попасть ногой в лужицу. Он и теперь помнит каждый след оленя, который ты накрывала ступней. Если поискать, где-то и сейчас еще видны ваши следы. Глянуть бы на них. Дотронуться бы пальцами засохших глинянных краев ваших следов, прикрыть бы их ладонью от дождя.

У тропинки на прошлогодней стоянке вы нашли разнорылые сапоги. Они болтались на ногах, но в них тебе было сухо. А кроссовки твои перекочевали в его сумку. Вы шли. Вы были одни на всю тундру. Никого в это время не было между вами. Вы были одни..

А помнишь, как он хлебнул из ручья на устье реки жемчужной соленой морской воды из зоны прилива? Он привык на своей родине пить воду из любого ручья, потому что его родина находится далеко от морского побережья. А помнишь, как шли потом по затопляемой приливом речной долине? Он чуть-чуть впереди, ты — сзади. Ты с опаской приостанавливалась, когда ноги вязли в морском иле. Он тянул тебя за руку и приговаривал: «Не стой на месте, иди равномерно, иначе засосет в ил сапоги, останешься без сапог и пойдешь босая». Помнишь ли ты, что ответила тогда?..

Потом вы карабкались на четвереньках по гребню на обрывистый склон холма. Теперь ему часто снится этот склон. Однажды он ясно вспомнил, что уже бывал здесь на гребне этой горы. Во сне ли.., наяву ли, а на эту гору уже несколько раз взбирался. Это было еще до госте- чия с тобой. Это было еще до того, как он побывал на твоей родине. Словно на эту гору он взбирается всю жизнь с самого рождения. И еще долго, наверное, до самой смерти, будет взбираться и спускаться на ее вершину. Взбираться и спускаться, срывая ногти и больно сшибая колени. Пусть это никогда не кончается, пусть! Пусть он всегда на пальцах и ладонях рук будет чувствовать холодные скользкие камни этой горы..

И в первый день вы были на горе — на другой горе. Старички говорят, что это у ненца заложено в крови. Увидит гору вдали и обязательно спешит посетить ее.

С горы, на противоположные стороны, под вами, двигались чуфы. Одни ближе — те, откуда вы пришли, а вторые — в дымку, едали. И оттуда, от дальнего стойбища, двигались упряжки оленей. Все ближе и ближе. Мют-аргиш извивался, взбирался на холм и спускался в долины. А вы сидели на самой вершине, ждали аргиш и весь мир был под вами. Была ли счастлива ты тогда?

На той вершине вы оставили две монетки — таков обычай. Они, монетки, как два сильных магнита, притянут вас когда-нибудь к себе. Они призовут вас в один и тот же день, в один и тот же час. Пусть через них вы будете всегда тянуться друг к другу. Пусть сила этого притяжения между вами никогда не иссякнет! Так призрачное ночное северное сияние не может оторваться от своего полюса, как бы оно ни вспыхивало, как бы оно не металось, как бы далеко на юг не рассеивалось. Может быть, это то единственное место в этом мире, где вы могли бы быть счастливы. Может быть, это то единственное место на этом свете, где вы могли бы быть свободны от предрассудков человеческого мира. Хочешь ли ты такого счастья? Мечтаешь ли ты о такой свободе?

Мысленно перенесись сейчас туда. Вершина горы обдувается ветрами и даже зимой на ней нет снега. Сегодняшнее апрельское солнце растопило снежинки и льдинки забившиеся между камнями и расщелинах. И лежат сейчас рядом две ваших монеты, как два страждущих глаза. Глядят в высокое безоблачное небо и жгут, и жгут. Зас, зыбзас к вам: «Не пора ли?»

А потом упряжки окружили вас, это были веселые добрые люди. Они разговаривали с тобой, с ним, между собой. То ли заше настроение передалось им, то ли теперь, уже много времени спустя, через лица тех людей он восстанавливает в памяти те свои чувства. Были счастливы вы — стали счастливыми они. Или наоборот.

Они посадили вас на свои нарты и повезли. Нет, они не разъездили вас тогда, не разлучили тем, что рассадили на разных нартах, в разных упряжках. Вы были вместе, потому, что ехали в одном аргише, в одном муте. Езжали оленями по тундре. Скользили нарты по мхам и травам, подпрыгивая иногда на камнях. Он вплывал своей душой твою родину, твою семью. И все, что тогда впитал, сегодня живет в нем, и заставляет снова и снова переживать, страдать, восхищаться.

Солнце круглые сутки. Для его мест это непривычно. То ли ночь, то ли день? Рука в руке, глаза в глаза. И между вами и в душах ваших то ли ночь, то ли день? А может все вместе, сразу? От гр косновзвнн к тебе вспыхивает в сердце яркий день! От прикосновнн к тебе вспыхивает в сердце белая ночь! И нет, никогда не будет на Северном человеческом языке тех слов, которые могли бы передать кому этих чувств. И не надо, наверное, таких слов. Об этом сердце должно говорить сердцу своим языком, своими знаками. Пусть эти знаки и сейчас, через большие расстояния доходят до тебя. Сегодня знаки твоего сердца он ощущает каждую минуту. Спасибо, что ты есть

на этом свете! Спасибо, что ты нашла путь своим знакам к его сердцу!

Помнишь Авку — олененка-сироту? Он стоял одиноко на соседнем с чумами бугре. Стоял неподвижно и глядел вдаль. Что он видел там? Что он мог видеть там? Бескрайнюю тундру? Мать? Стаю волков, окружающих его мать? Другой такой же бугор, где на вершине и сейчас лежит обломок-огрызок рога оленихи, который не смогли одолеть хищники? Теплый ветер суровой земли несет легкие облака. Они касаются вершины горы. Они ласкают камни и колышут травы. Они запускают свои чуткие пальцы в непричесанную шевелюру сироты.. Родина — это земля, где покоится прах предков. Олененок впитывает свою родину, чтобы стать оленем? Может быть этот Авка, ставший уже взрослым, и сейчас, через много времени, стоит на том бугре? Только теперь уже крупный, гордый, красивый, по такой же все одинокий, беззащитный и хрупкий, как тот мир, который его окружает..

Лежал огромный камень на поверхности тундры, лежал себе века ми и вокруг его была жизнь:

румяная морозка, бойко подбочаясь и наклонив голову, оглядывала камень, как бы прицениваясь к его высоте;

стебель травы-пырея, вытянувшись во всю свою длину, кисточкой щекотал холодный бок камня;

молоденький глупый птенец трясогозки важно вышагивал по камню, как бы измеряя его поверхность, ставил свои метки, чтобы весной вернуться на родину, не перепутать с другим.

А в это время орел парил над мирной тундрой, озирая одновременно и оленью стаду у озера в низине, и детей, строящих новый чум, и одинокого Авку на бугре, и голубенького пушистого птенца трясогозки на сером камне.

Но стоит перевернуть камень, и закричит надломленный стебель травы-пырея, разольется слезой раздавленный глаз морозки, а трясогозка, не найдя своих меток, улетит умирать на чужбину. А на том месте, где лежал вскаки камень, вытает в вечной мерзлоте огромная черная дыра. Со временем края ямы зарастут травой и ерником, но гнилая пустота ее долго будет звать незаживающей раной..

Сегодня и он, как тот олененок, ясно вспоминает повернутый к солнцу тундровый бугор, говорливый ручей по оврагу и огромную черную яму, заросшую травой и тальником-ерником.

Ты рассказывала, как в детстве во время кочевья вы с матерью вместе с нартой опрокинулись в эту яму, как было страшно тебе глядеть на мир из ее темного нутра, словно из могилы, что до сих пор чувствуешь запах и сырость той дыры, тяжесть земли, нависшей над краями. Много в человеческой жизни встречается таких ям. Не все удается успешно обходить. Падают люди, больно ударяясь головой об землю. Часто боль от таких падений не заживает до самой смерти. Боль душевная — это совсем не то, что боль телесная. Душевная боль живет в человеке и после смерти — она передается по наследству. Рубцы от ран на сердце у каждого человека. Рубцы большие, рубцы

маленькие. Сколько таких рубцов на сердце носила твоя бабушка? Сколько таких рубцов на сердце носят сейчас твоя мать? Всегда ли ты, дети, понимаете своих матерей? Сколько больших и малых рубцов наносит сам человек каждый день друзьям, любимым, близким, родным? Сколько таких рубцов на сердце будете носить и вы?

Родина — это не только земля, где покоится прах предков. Человек жив, пока счастлив. Человек жив, пока чувствует на душе боль. Душевная боль передается по наследству. Наследственная боль — это и есть та нить, которая связывает человека с родиной. Прекратится болеть душа, значит нет твоей Родины.

И вот
Я снова возвращаюсь
С пляжного лета
На тундровый простор.
Как долго здесь я не был!
Я полной грудью,
Как жаждущий, вдыхаю
Широкоглазую синеву.
И вновь мне дышится легко!
В глаза мои со всех сторон
Испытующе глядит
Доверчивое небо.
И чувствую,
Оно меня спросить желает:
— Не стал ли и ты
Серым
Средь серых людей?
Вернулся ли прежним —
Белым?..

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ
ТЕТРАДИ

Венгерская сюита

(т р и п т и х)

I.

Сегодня был на камерном концерте. Шел Бах «Моя радость». Думал о тебе...

Как все-таки сложен и непрост наш мир, наши взаимоотношения: вместе нам тяжело, а без тебя жить невозможно. И слез не хватает и чувства перехлестывают, переполняют душу. А что делать, как поступить? — не знаю...

Пели по-немецки. Пусть не понятны слова, пусть это чужой язык, но чувства, которые Баха возбудили на создание этого произведения, сейчас тргают, тревожат, радуют, заставляют страдать сладостной болью душу мою...

Не в этом ли ценность мирового искусства, для которого нет государственных границ и языкового барьера?

2

В актовом зале Дебреценского Университета наши казымские ханты исполняют Медвежье Игрище.

Сидят и внимательно слушают делегации США и Японии. Сидит и с удовольствием слушает: Тарту, Таллин и Хельсинки, ученые и студенты Будапешта и Дебрецена. И даже наши из Сыктывкара и Йошкар-Олы чутко сопереживают происходящее на сцене. Ей богу, сидит и вынужденно-терпеливо слушает начальственно-чванливая Москва. Но до слез обидно, когда наши же, свои же родственники, ханты и манси, из зала грубо вмешиваются в репертуар Игрища, давая совсем неуместные советы там, где этого делать нельзя!

Почему!?

Да потому что житель Запада знает, что Э Т О вчерашний день, что происходящее сейчас на сцене обречено, что О Н О каждую секунду постепенно уходит из жизни с последними носителями. А мы еще слепы.

3.

«Аве Мария!..» — сколько раз слышано в жизни, сколько раз выстрадано, перечувствовано и пережито. Но я никогда не знал, кто из композиторов это создал. Да и не задумывался. Зачем? Наверное, человеку совсем неважно кто автор того или иного произведения. Лишь бы трогало душу, лишь бы затрагивалось до самых сокровенных струн души. И тогда играй, Муза! Завладей мой душой, я доверяю тебе, полностью отдаюсь в твою власть, владей мной...

...и завладевай!

И тогда уже все-равно, что с тобой, что впереди тебя. Есть настоящее и оно прекрасно!

Из „медвежьего игрища„

Присутствую на Медвежьем Игрище казымских хантов. Казымский диалект далек от сургутского, который я знаю. Но прислушиваясь, встречаю знакомые фразы, записываю. Иногда отдельное слово, произношение, поза или жест исполнителя наводят меня на самостоятельные мысли. Поэтому я не уверен, что все записано чисто по-казымски. Наверняка есть среди записей эхо впечатлений с аганских Медвежьих Игрищ, в которых я когда-то участвовал. Но основные ценности здесь народные, а я им сделал только почти дословный перевод.

Вот что получилось:

•Полет летящего Орла,
Полет летящего Ворона,
С жизнью Твоей сравнится ли?...•

•Когда Ты был Человеком,
Сак и Рукавицы тобою ношенные
Мне подарил.
Теперь же передай мне
И свой Моховый Дом —
Научи меня настоящей человеческой
жизни...•

•Построю себе Дом —
Теплый, как дупло кедра.
Поселюсь в нем
И настрогаю для Огня
Больших и сильных Стружек...•

•Добротный Месяц
В какую сторону по небу ходил,
В ту же сторону ходить будет!
Добротное Солнце
В какую сторону по небу ходило,
В ту же сторону ходить будет!...•

•В проем белой двери,
В просвет широкой двери
Увижу живое Солнце,
Навстречу мне шагнувший,
И разминувшись с Ним в дверном проеме,
Шагну на Тропу.
Проложенную Стомедвежьим Отцом,
Проложенную Стомедвежьей Матерью...•

•Е пропитанную хождением дверь
Следом за мной
Кто-то еще шагнет...•

•Людьми проложенная Тропа,
Выверенная Жизнью яо длине человеческого шага,
Почему-то для тебя сегодня
Стала не в меру —
То твоя ступня перешагивает слишком,
То не укладывается в этот шаг.
Почему?...•

ИЗ НЕСНИ НА ЛИМА:

•Зачерпывающий пустоту Русский Невод
Сегодня меня отловил
И в Дом Имеющий Прочный Запор
На семь лет связанного посадил...•

•Острием лодки
Прочертить бы реку от Устья до Вершины,
А потом дальше
По Тундрам, Озерам и Морям,
Чтоб обратно груженого меня
Течением радостно несло
До моего родного Стойбища,
Где над каждым Домом
Не дым,
А дымок вьется,
Где дети наши от голода
В груди матерей вцепились,
Может сумею досыта накормить
Детей наших,
Может сумею досыта накормить
И сородичей наших?...•

•Моей бы груженой Нарте
Нигде не зацепиться
И ноги не повредить...•

•Встречу на Вершине Реки
Людей, носящих разную одежду:
Гагары саки,
Оленьи малицы,
Шелковые платья и рубахи.
Встречу на Вершине Реки
Людей, что пасут
Иных лошадей,

Иных коров,
Иных оленей,
Топчут иную траву,
Рубят иной сухостой,
Населяют иные дома,
Может даже каменные...»

«Открою одну дверь —
Женщина протянет кусок хлеба.
Открою вторую дверь —
Женщина протянет второй кусок хлеба...
В седьмом доме для меня
Женщина подоит дитя коровы...»

«Достичь возраста Поцелуя...»

«Достичь возраста Белого Шва...»

«Достичь возраста рождения третьего дитя...»

«Достичь возраста мудрости иносказаний...»

«Достичь возраста возвращения в детство...»

«На окраине стойбища
Стоит пенек посещаемый сорокой...»

«Ягельным бором бегущему
Ноги укрепи!...»

«День сегодня
Ветренным ртом мне угрожает...»

«День для Божьего плача
Пусть не наступит!...»

«Если с одной стороны
На тебя валится дерево,
Ты отскочишь в другую...
Если ж со всех сторон
На тебя валятся деревья,
Куда ж тебе деваться?...»

«Тропа для стаптывания кисов...»

ИЗ ПЕСНИ ВОРОНА

«Если у одного дерева под стволом

Трава примята

И земля потоптана-испорчена,

Перейду к другому дереву.

Если ж и под другим деревом

Трава примята

И земля потоптана-испорчена,

Перейду к следующему дереву...

Если ж и под седьмым деревом

Трава примята

И земля потоптана-испорчена,

Куда ж мне тогда деваться?

Какой пищей питаться?

Чем кормить дочерей-сыновей?

Неужели красть у людей добычу?...»

ИЗ БЕСЕДЫ ДВУХ СОСЕДЕЙ:

«—Я, Вершины Ватьегана Молодой Человек,
На твоей территории не добываю зверя,
Не ловлю рыбу.
— Я, Устья Ватьегана Молодой Человек,
И я не рыбачу,
Не хожу на охоту по твоей земле.
— Отчего ж ты на меня сердишься?
— А кто, коль не ты
Моих зверей разогнал
И вывел рыбу в реке?
— Ты своим лисьим умом подумай:
Зачем мне твоя добыча?
— Это ты своим лисьим умом подумай:
Кто ж кроме тебя это сделал?
— Нос мой устал нюхать твою долбленную лодку —
Посуду для очистки рыбы от чешуи,
Убирайся от меня.
— Глаза мои устали видеть
Твою лодку-трехдосчатку,
Убирайся с глаз,
Дай отдохнуть им...
Спужу я в своем мохом доме пустом
В одиночестве
И жду:
Когда ж мой сосед
Вершины Ватьегана Молодой Человек
Из-за поворота реки
Блеснет мокрым веслом?»
«Всюду иссохшие души,
Всюду жалкие лица,
Всюду просящие позы...
А рядышком два доверчивых глаза —
Внук пришел поглядеть на себя...»
«Ребенок,
С наполненной Разумом душой,
На колени к отцу взберется...»

МЕДВЕДЮ:

•Через ствол ружья
На тебя нацеленного
Из тайги на нашу жизнь внимательно оглянись.
Может увидишь нас улучшенными?...•

ИЗ ПЕСНИ ХОЗЯЙКИ АГАНА:

•Когда ваши носы начали издавать звуки
Похожие на хорканье олененка
Потерявшего мать-олениху,
Возьму хранящийся у Отца-Неба
Лук семимужских ильный
И стрелу семьзверейразящую
На тетиву накладу.
Прицелившись по сторонам,
Из-под стрелы моего Отца-Неба
На людей оглянусь,
Р' мир внимательно взглянусь...
Белое Облако — мою дорогу
Сама себе выберу,
И священная вода — река Ягельный Аган
Пу.ть моей Тропой станет...
До истока бы реки дойтись
И встретиться там с мутителями Воды...•

•Здесь что за зверь прошел?
Исправлю пояс,
Разглажу усы,
Отправляюсь следом...•

•Смотрю:
На середине дерева Красная Велка...•

ИЗ ПЕСНИ КРАСНОЙ БЕЛКИ:

•Рожденный Без Отца-Матери,
Разве есть во мне столько мяса,
Чтоб тебе насытиться?
Разве есть на мне столько меха,
Чтоб тебе согреться?
Разве могут быть счастливы твои дети
Моей смертью?...•
•Стрелу, мимо цели пролетевшую,
Подберу для новой цели...•
•Убегающего от меня Таежного Зверя
Насквозь прострелю
Зверьянастигающей Стрелой.
И повалится он,
И прикроет собой
Горящий от крови снег...•
•Ту шкуру,
Из которой были сшиты
Изношенные кисты мои;
Ту шкуру,
Из которой был сшит
Изношенный сак мой;
Ту шкуру,
Из которой были сшиты
Изношенные рукавицы моя.
С тебя,
С подстреляной сегодня добычи моей,
Аккуратно обдару...•

МЕДВЕДЮ:

•После того, как тебя отстрелили,
Природа не стала ли однорукой,
Природа не стала ли ползвиннорукой?...•

ИЗ ПЕСНИ ХОЗЯЙКИ КАЗЫМА:

•Когда многотысячная Вода-Море
Весь мир собой затопила,
Взяла я в одну ладонь
Маленький кусочек Ягельного Бора,
Взяла я в другую ладонь
Маленький кусочек Кедрового Урочища,
А за пазухой хранила я еще
Маленький кусочек Тундры.
И опустила их здесь,
Как берега будущей Реки,
Чтобы прошлый мой Ягель
Смог снова народиться,
Чтобы прошлая тайга моя
Смогла снова народиться,
Чтобы мои и твои светлорогие Оленята
Смогли снова народиться,
Чтоб Мужчина смог достичь
Возраста самостоятельной охоты,
Чтоб Женщина смогла достичь
Возраста вскармливания грудного ребенка.
А когда их Дети
Ступят на лыжню удачи,
Пусть под их лыжами
Будет бодрое скольжение,
Пусть под их пятками
Будет веселое поскрипывание!..
Человек,
Матерью проложенным Следом
Дорожи,
Сыном проложенный След
Не растеряй!..»

2000 р.

Ответственный за выпуск
СЫРНИН Б. Н.

Радужинская городская типография
Объем 3 печ. листа
Заказ № 110 тираж 500 экз.